

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Оргкомитета Союза Советских Писателей СССР и РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

З. Багрицкий, С. Динамова, М. Кошова, В. Лидина, А. Селивановского, М. Вельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усевич.

ЦЕНА 20 КОП.

17 ИЮЛЯ 1933 33(261)

ГОРЬКИИ РЕВОЛЮЦИОНЕР

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ МАКСИМА ГОРЬКОГО

ГИХЛ. М.—Л. 1933

Проведем съезд, достойный нашей великой страны!

СОКРАЩЕННАЯ СТЕНОГРАММА ДОКЛАДА т. В. СТАВСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ ПЛЕНУМА ЦК СОЮЗА ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВТОРОГО ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ГОРКОМОВ И МЕСТКОМОВ ПИСАТЕЛЕЙ

На высоту действительности!

В течение последней недели повиделись в центральной печати два течения, которые привлекали всеобщее внимание нашей литературной общественности и всех интересующихся советской литературой.

«Необходимо, чтобы литература достигла высот действительности». Наша литература, которая «растет хорошо», которая является по своей идейности, массовости, непрерывно растущему идейно-художественному качеству лучшей литературой мира, продолжает, однако, отставать от революционной действительности и еще больше растущих требований читателей масс.

«Я повторяю не однажды сказанное: нигде в прошлом, даже в эпохи величайших напряжений энергии, как, например, в эпоху Возрождения, количество талантов не росло с такой быстротой и в таком обилии, как растет оно у нас в настоящее время после Октября».

И Горький требует внимания к этим талантам, он сам уделяет много времени массовому литературному движению, он требует от писателей отражения великих событий и великой страны, которая происходит в стране социализма.

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход нашел свое наиболее сконцентрированное выражение в той групповине, по которой решающий удар нанесло прошлогоднее постановление ЦК. Ужко литературный подход — это литература под видом литературы, это политиканство в литературе под видом политики, это в итоге забвение принципиальных задач во имя сегодняшних интересов той или иной группы».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход нашел свое наиболее сконцентрированное выражение в той групповине, по которой решающий удар нанесло прошлогоднее постановление ЦК. Ужко литературный подход — это литература под видом литературы, это политиканство в литературе под видом политики, это в итоге забвение принципиальных задач во имя сегодняшних интересов той или иной группы».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

литературе к нам, писателям, мы должны ответить и на вопрос о причинах отставания литературы от жизни, от развития.

«Здесь перед нами стоит важнейший вопрос о так называемом типе писателя. Писатель наш стал иным. Нет уже старого жреца, падаль которого скрывает искры, который сидел на Олимпе и изрекал истину для простонародья. Народился, растет, крепнет новый тип писателя, который активно участвует в строительстве социализма. Наша задача заключается в том, чтобы изучить этот тип, познать его и помочь ему развиваться дальше.

«Перед нами стоит задача выявить эти таланты, помочь формированию из них художников. Фиксируются и справки жандармско-полицейских властей. Фиксируются переписки Горького из одного города в другой, из одной жандармской инстанции в другую, переписки инструкции об установлении за ним полицейского надзора».

«Общее место занимают цензурные материалы, полуживые характеристики изданий, в которых Горький работал и которыми руководил (напр., «Летописки»).

«Волею или неволею значительные группы документов относятся к отдельным эпизодам горьковской биографии: т. н. академического инцидента, ареста Горького и его заключения в Петропавловской крепости в 1905 г. и т. д.

«Количеством более другая группа материалов: возмущения и прокламации различных общественных организаций, содержащих, например, протесты против полицейских преследований Горького. Сборники заканчивают такие документы, как сокращенные статьи Горького, его обращения, отрывки из его периодических писем и т. д.

«Хронологически сборник охватывает почти тридцатилетний период 1889—1917 гг. и распадается на два периода: революционный путь молодого Горького, Горький в эпоху революционного подъема и в революционный 1905 г. (период, на который падает наибольшее количество документов кумулятивного характера), Горький в эмиграции и антиимпериалистская деятельность Горького.

«Сборнику предпослана вступительная статья Емельяна Ярославского, рисующая основные этапы исторического становления Горького-революционера. Публикуемые материалы снабжены кратким историческим комментарием».

Красная доска советской литературы

Советская литература имеет подлинных ударников-писателей, создающих высокохудожественные произведения о нашей действительности.

«Твердой поступью» Ф. Панферов прощается с частной собственностью

Так выглядит «Красная доска советской литературы», напечатанная в «Комсомольской правде» 12 июля. Редакция «Литературной газеты» приветствует инициативу боевого органа комсомола.

Мысли о критике

КРИТИКА, если даже брать только область литературной критики, которая одна нас здесь интересует, — явление огромное, и мыслей о ней можно и нужно высказать много.

«Главное — идти по правильному пути. Главное — исходить из живой жизни, от борьбы, от мыслей, от жизни рабочего класса. Главное — сделать произведение искусства тем действенным и мощным орудием познания мира и преобразования его, каким оно может быть только в стране социализма».

«Классовая работа, проведенная партией и советской властью, в корне изменила бы рабочего, порава замкнутый круг рабочей семьи, освободила ее от целого ряда домашних забот, изменила жилищные условия рабочего и вывела рабочую семью на дорогу рабочей общественности».

А. Муцагарский

их содержания форму. Они часто объясняли художникам не вполне понятные им общественные явления. Они часто показывали им подлинное лицо их произведения, так что только после этого сам художник полностью, всесторонне понимал, что именно он создал.

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

К. Бухарин

Секретарь Краснопресненского района ВКП (б)

ПРОРЫВ НАДО ЛИКВИДИРОВАТЬ

Не раз уже отмечалось отставание нашей художественной литературы от темпов социалистического строительства и в деле показа достижений рабочего класса во всех областях. Даже такие крупные центры СССР, как Ленинград, Харьков и особенно Москва, до сих пор еще не привлекли к себе писателей и поэтов и ждут своего отторжения в советской литературе.

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

«Ужко литературный подход к вопросам художественной литературы — говорит «Правда», — отчасти объясняет ее отставание от требований жизни».

Начало — смотри страницу 1.

Вот перед нами великий художественный критик. Он со своей антенной пускает постоянно определенные токи высочайшего напряжения, которые входят в связь со всем, скажем так, что происходит в культурном эфире. Флюиды этого критика натыкаются в культурном пространстве на величайшие произведения чуждого художника или недоделанного художника, художника, не понимающего своей собственной подлинной классовой мысли, допустим, отсталого художника и тут же происходит борьба. Флюиды критика входят в блестящие соединения с положительными силами произведения дающего художника. Яркость его образов, сила его чувства, точность его формул загораются от прикосновения с критикой ярчайшим светом, и те, кто наблюдает это, говорят себе: «Но посмотрите, под реакцией на разбор критика произведения А. Засякин, как северное сияние».

И вдруг рядом с этим вы замечаете пустоту, серые ямы, жалкую поддельную мишуру. Что такое, что это искажила вдруг творческий лик великого художника Б? Никто не искажал его творческого лика, а только под влиянием реакции на критику сделались ясны то, что у него происходило внутри, недоуманно. Сам художник может надеяться на свою голову несколько своих венков, на ноги — самые высокие котурны и начать лезть, как верблюд, на непонятную критику. Но от этого ему пользы не будет. Если он будет упорствовать на своем, это значит, что он окажется не в этом лагере, и тогда батарея критика будет продолжать бить по нему. Но может случиться и так, что писатель поймет внутреннюю неровность своего творчества и проверит себя, в результате чего его дар поднимется на новый, более высокий уровень.

В этом один из лучших приемов критика, и не только когда дело идет о больших поправках, но и о малых, не только когда дело идет о больших писателях, но и о малых.

Основным даром писателя является, конечно, его художественный дар. Мы уже говорили в наших «Мыслях о мастерах» о том, какое огромное значение имеет здесь приобретение четкого мироощущения, как важно здесь также найти эффективные пути выразительности. Но не нужны ли мироощущения, ни выразительности (с точки зрения художественной), ни умения более развернуть их в образный ткань.

Художник, обладающий в высочайшей степени способностью мыслить, чувствовать и творить в этой образной ткани, умно и добросовестно строящий свое мироощущение, честно и толково работающий над улучшением собственного стиля, — этот замечательный человек, этот замечательный сотрудник в области художественной может тем не менее — с точки зрения полноты охвата явлений действительности, с точки зрения объема знаний о ней, с точки зрения четкости понимания направления социальных сил своего класса, с точки зрения чуткости к лозунгам руководящей партии своего класса — не обладать, так сказать, максимальной вооруженностью. Будем ли мы из-за этого отвергать его? Скажем ли мы, что он должен оставаться в стороне от лагеря художников, пока всего этого не приобретет? Конечно, мы ни в коем случае так не поступим. Или, может быть, мы скажем, что такой художник может дать своему классу огромные сокровища, но, может быть, несколько недоделанные, не совсем уясненные в деталях, расплывчатые — и успокоимся на этом? И это было бы худо. Если бы крупные художники наши иногда известные хотя и вольностью фальши, мы не могли бы оставаться к этому равнодушными.

У т. Сталина есть прекрасная ма-

нера говорить так: «Это не точно, а раз не точно, стало быть, неверно». Действительно верно — это совсем верно, до конца верно. Так как же быть? И здесь нам необходимо это вторичное социальное явление — критика. Критика уточняет писателя и для него самого, и для широкого читателя. С чуждого и враждебного она срывает маску, говорит о нем настоящую, тяжелую правду; находясь в пути, помогает, показывая, в то же время, где же он застрял, неточное — уточняет.

Как будто немного иначе обстоит дело относительно вкуса и стиля. Тут, казалось бы, художник сам должен быть своим собственным руководителем. Однако же бывает зачастую, что вследствие еще не законченного образования или вследствие особенностей умственного склада художник обладает замечательной творческой фантазией, но критиковать сам себя не совсем умеет. В саду его булыно растут всевозможные метафоры, но среди них много таких, которые следовало бы выкопать. Да, мы знаем художников, которые сами себе портят неполнотой своего вкуса, незнанием всех приемов своего великого ремесла, недостаточным историко-литературным образованием, иногда даже просто исполнимым владением своим собственным чудесным национальным языком.

Ну, что же, запретить такому писателю писать? Как же это можно! Несомненно, что очень большое количество ценнейших сокровищ литературы заносится в этих несовершенных произведениях, а в настоящее время, когда пролетарская колхозная масса выдвигает непосредственно из своей среды молодых писателей, чрезмерно задерживать начало их участия в прямой работе было бы очень жестоко, тем более, что ведь научиться плавать можно, только плавая.

И здесь вопрос разрешает наличие критика. Над критиком часто хихикают: ежели человек не сделался хорошим писателем, то он сделался критиком.

Это не социальная, а пошлая, обывательская точка зрения. Критик — это по сути человек из публики. Критик — это страстный читатель. Это читатель, всем сердцем жаждущий как можно скорее превратить художественные красоты в жизненные подвиги. Это особый талант.

Иной раз такой критик может написать хорошую драму или хороший сонет. Иной раз он совсем не может этого сделать.

Возьму несколько грубоватый, но развлекательный пример. Чудеснейший учитель пения, может быть, уже больше не может или вообще никогда не мог сам виртуозно спеть на концерте какую-нибудь арию, но превратить подготовленного певца в блестящего виртуоза он может.

Может и должен уметь делать это и критик. Вот если он этого не может, если он просто, как вагнеровский бекмесер, скрипит по дошке мелаом, с удовольствием отмечая школьные ошибки творца, — тогда смеется над ним.

Итак, правильно развивающийся инстинкт имеет в своей среде некоторые качества биологических инструкторов. Они сами как самостоятельные творцы, может быть, и не первоклассны, но как указатели путей необходимым и искусным и уже, конечно, знающим.

Вот те мысли, которые я хотел изложить читателям «Литературной газеты» — сейчас же. Скажу прямо, что это только первая половина моей статьи. Закончена она будет лишь тогда, когда я прибавлю к ней соображения о том, каковы же задачи, стоящие перед нашей пролетарской критикой в нашей стране. Как, по моему мнению, эти задачи, критику, при поддержке художников, литераторов и общественности могли бы быть упорядочены и организованы.

Создадим бодрую, веселую детскую книгу

ОБРАЩЕНИЕ ОРГКОМИТЕТА И ИЗДАТЕЛЬСТВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

На широком фронте советской литературы есть участок особой ответственности, участок огромного значения. Этот участок — литература для детей, о внимании к которому так своевременно и правильно поставил вопрос в ряде своих статей А. М. Горький.

Требования к этому участку нашего дела с каждым годом все повышаются, задачи его становятся все ответственнее.

Эти требования особенно отчетливо выступают в свете задач второй пятилетки, пятилетки окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, пятилетки преодоления «пережитков капитализма в экономике и сознании людей».

Показать в системе живых образов социалистическую передельку страны и людей, помочь вырастить будущее гражданское бесклассовое общество, воспитать в нашем ребенке социалистическое отношение к труду, к общественной собственности и коллективу, раскрыть перед ним мир в его движении, во всем многообразии связей и явлений и заложить в ребенке прочные основы научного, марксистско-ленинского мировоззрения — вот огромные и благородные задачи детской книги, к решению которых должна быть привлечена наша широкая литературная, педагогическая и научная общественность. Эти задачи могут быть решены лишь на путях создания увлекательной, бодрой, веселой детской книги.

Советская книга для детей имеет некоторые достижения. Мастера художественного слова, драматурги, художники, инженеры, ученые создали уже не один десяток хороших книг для детей.

Положено начало подлинно советской поэзии для детей. Появились первые школьные повести. Изданы первые книги, по-новому рассказывающие жизнь природы, по-новому освещающие героическую борьбу рабочего класса со стихией.

Советская детская библиотека вправе гордиться отдельными книгами о героической и победоносной борьбе пролетариата на фронтах гражданской войны, на фронте социалистического наступления, на фронте социализма.

Некоторые сдвиги имеются в области детской драматургии. Но все это — лишь первые шаги. В свете гигантских задач детской советской литературы — это лишь робкое начало. Советская детская книга в целом еще далеко не отвечает задачам, стоящим перед ней.

Особенно мало сделано для ребят младшего и среднего возраста. Кадры работников детской книги ничтожно малы. Подлинными писателями, мастерами художественного слова, работающими на этом ответственнейшем участке литературного фронта, насчитываются единицами. Писатель еще зачастую смотрит на литературу для детей как на литературу «второго сорта» и отделяется от серьезной работы над детской книгой.

Нередки случаи ухода талантливых молодежи, пишущей для детей, на другие участки литературного фронта.

Советский критик по существу ни одним словом еще не помог писателю в этом трудном деле создания книги для ребенка.

Ученые, инженеры, изобретатели сказали нашему ребенку лишь свое первое слово.

Оргкомитет Союза советских писателей СССР и издательство «Молодая гвардия» обращаются к писателям, драматургам, поэтам, ученым, инженерам, изобретателям с призывом по-серьезному включиться в дело создания детской литературы.

Готовясь к съезду...

Приближающийся первый съезд советских писателей — конечно, явление не только литературного, а и культурно-политического порядка. Один днепропетровский урядник еще в 1930 году говорил мне, что художественная литература ему «помогает в душевной жизни». Можно ли представить себе невиданный еще в истории человечества размах жизнестроительства, такое победоносное изменение за каких-нибудь полтора десятка лет хозяйственного, промышленного облика страны, политического мышления, быта, морали, производственных отношений, можно ли представить себе все это без такого же широкого размаха и глубины «душевной жизни», о которой говорил днепропетровский урядник?

И потому — как же велика ответственность писателя, за свою творческую работу, как хорошо должна быть поставлена у него самопроверка, — как же иначе: ведь он не только участник, но и вдохновитель, советчик, поверенный «душевной жизни» миллионов людей, которые хотят сделать ее, эту жизнь, содержательной, разумной, счастливой.

И вот соберутся писатели со всех концов большой советской земли на свой съезд, и прежде всего задумаюсь мне, должны ли все проговорить себя, что мы сделали для страны строящегося социализма, в какой степени и на каком уровне каждый из нас (а пролетарский литератор — а писателями-коммунистами особенно) выполнены пророческие заветы еще в 1905 году Ленина о «свободной литературе», «связанной с пролетариатом», литературе, «оплодотворяющей последние слово революционной мысли человечества» и т. д. («Новая жизнь» № 12, сб. соч., т. VII, ч. II), чем каждый из нас содействовал этому «оплодотворению», разве не важно это проверить?

Хорошо также проверить свои мысли и настроения тем писателем, которых беспокоили судьбы искусства при наличии такой большой, целеустремленной и шумной жизни, как наша?

В годы первой пятилетки писатели немало поехали по стране, побывали на новостройках — и все же и вроду не могли наблюдать, как интерес и жажда знания и культуры растут в миллионных массах

Большой план издания детской литературы, рассчитанный на 2-3 года, который начинает разрабатывать Наркомпроса «Молодая гвардия» должен быть построен на учете запросов многомиллионного детского читателя и творческих реальных планов писателей.

Инициатива группы писателей, выступившая недавно с обещаниями в ближайшее время в ряде произведений дать для детей живые образы ленинского комсомола, должна быть широко поддержана литературной общественностью и послужить началом включения работников в широкое дело создания подлинно советской книги для ребенка — от дошкольника до подростка.

Оргкомитет предлагает республиканским (краевым, областным) писательским организациям обсудить настоящее письмо и разработать совместно с местными издательствами необходимые конкретные мероприятия. Центральное бюро детской литературы при Оргкомитете поручается совместно с правлением издательства «Молодая гвардия» выяснить творческие планы крупнейших писателей, драматургов и критиков и привлечь их к активному участию в конкретной работе над детской книгой.

Зам. пред. Оргкомитета ССП СССР А. ФАДЕЕВ

Отв. секретарь В. КИРПОТИН

ЦБ Детлитературы Н. ВЕНГРОВ

Изд-во «Мол. Гвардия»: Д. РОЗЕНКО, В. ЛЯДОВА

трудящихся. Поэтому немаче треволжиться за искусство, как бы его ни обидел, а напротив, думать, иском, стремиться к тому, чтобы как можно больше сделать для дальнейшего его расцвета, потому что страна наша ждет именно такого сильного, правдивого, душевного искусства.

Кроме того съезд должен заложить крепкий фундамент единства, единого союза советских писателей. За это единство не надо будет расплываться, — напротив: своеобразности каждой творческой индивидуальности даже выиграет. «Тысячи путей» — одна общая цель, подерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве (из постановления ЦК от 23 апреля 1932 года). Чем больше для этого путей, возможностей, способов в творческом арсенале писателя, тем это лучше и выгоднее для советской литературы, тем больше цель — служить пером своим идеям.

Но избави боже быть единству олимпийскому! Нет, съезд должен разбудить — творческие страсти. Больше интереса, внимания друг к другу! Нам нужна, как воздух, творческая дискуссия! Социалистический реализм и «правда жизни», который он требует, это не клятва и не заклинание перед Сезаем. Давайте спорить и честно драться, когда это нужно, стремимся к одному: помочь себе и другому как можно полнее, ярче и дальновиднее выразить правду жизни — нашу социалистическую правду. А критикам хорошо бы реже ею клясться, но чаще открывать ее, разбирая живые образы в конкретных художественных произведениях.

Групповщина разбита, но при недосмотре может опять поднять голову. Съезд должен разбудить аппетит к творческой дискуссии, к идейным, формальным поискам, к образованию творческих течений, группировок. Но наряду с этим необходимо продумать, как в будущем и можно изжить групповщину. Мы создаем образы новых людей — не худо бы и самим нам в создании лучшей литературной жизни походить на своих героев.

Литературно-массовая работа должна быть также в центре внимания съезда. Недалеко то время, когда литературно-массовое движение станет одной из ведущих областей в культуре пролетариата. Начало этому уже положено культотделом ЦК угольщиков, создавшим вместе с кабинетом рабочего-автора (Профиздат) первый всесоюзный слет-учебу авторов-шахтеров. То, что не удавалось на больших московских съездах и конференциях, осуществилось в рудничном люмпенском клубе «Аксельрод» (Лонбасс). Писатели делились с индустриальными авторами своим творческим опытом, читали, консультировали рукописи начинающих авторов и вместе с делегатами шахтерами вели беседы в шахтерских объектах и т. д. Делегаты развлеклись на месте, удивленные новыми мыслями и сведениями о том, «так вот как делается литература!»

А сколько этот первый слет обогатил в начинающих авторов творческих культурных запросов! Нужно, чтобы этот слет не остался в памяти только литературной общественности! Примеру ЦК угольщиков, несомненно, последуют и другие профсоюзы. Литературно-массовое движение, сделавшись органической частью культуры профсоюзов, приобретает колоссальный размах, глубину, содержание. К этому большому и почетному делу писатели также должны готовиться.

АННА КАРАВАЕВА

„МАТРОСЫ“ И „ЧЕРНОМОРЦЫ“

Г. ТАРПАНА

Обе книги Г. Тарпана составляют как бы единое повествование, раскрывающее в многообразных эпизодах пройденный моряками сложный путь — от притесненной в царском флоте массы рабов до героев урядников советского Красног флота.

В «Матросы» Г. Тарпан просто и правдиво рисует, каким каторжным режимом царское командование пыталось держать в повиновении матросскую массу и как этот же режим формировал ее классовое самосознание. Казавшаяся командованием «загадочной» матросская масса накапливала классовую ненависть.

Беспощадная расправа с «бунтовщиками» не подавила роста классового сознания, и в ряде рассказов («Ильте» дней в крепости», «Атаман зеленых», «В камышах», «Разведка» и др.) писатель показывает дальнейшие изменения в политическом облике подопытных героев («Потемина», вступивших в огненную полосу гражданской войны).

В «Черноморцах» исторический перевал революции и гражданской войны передан. Краснофлотец — уже не прежний матрос, отчасти стихийный бунтарь. Новая обстановка, новые условия, соревнование и урядничество (большая заслуга автора в том, что он впервые показывал и в условиях Красного флота) переплавляли личность матроса, выработали в нем новое отношение к окружающему.

Обе книги, отражающие старый и новый флотский быт, прекрасно известный автору, говорят сами за себя — настолько разнообразны и правдивы использованные в них ма-

териал. Простота и правдивость составляют главнейшие особенности и достоинство книг Г. Тарпана. Автор повествует, «не мудрствуя лукаво», обильно вооружая рассказы подлинными документами, придавая им даже характер хроники.

Но эта хроникальность рассказов, оттеняющая контрасты между старым и новым флотом и позволяющая передать непрерывность развития матроса в краснофлотец, обращается иногда против автора. В некоторых рассказах материал подается сырым, художественно непереработанным (например, в рассказе «По старым традициям»). Некоторые образы слишком протокольные. Читатель чувствует за ними определенный протест, с которого он списывает отсутствие художественного типизации приводит к тому, что автор не всегда углубляет идейную сущность показываемых явлений.

Эти особенности определяют язык автора. Очень колоритный, характерный, когда автор передает слова живых действующих лиц, он скупее, когда автор рассказывает от себя. Тарпан пользуется привычными, широко употребительными метафорами.

Эти недочеты не снижают, однако, интереса и ценности рассказов. Автор сумел ярко почувствовать и передать социальную правду исторического материала, показать действительно живых людей, за которыми чувствуется масса, просто и правдиво показав важнейшие события, определяющие величайший перелом, происшедший во флоте.

А. КИПРЕНСКИЙ

ПАДЕНИЕ КИМАС-ОЗЕРА

Это очень своеобразная книга, своеобразная по тому, что из нового поколения советских писателей все чаще выделяется незаурядные дарования! Говорят, что автор ее Геннадий Фиш специально прошел по следам гражданской войны в Карелии. Во всяком случае, разглядывая по карте голубые извилины карельских рек, коричневые хребты и зеленые пространства лесов, нетрудно убедиться, что он хорошо знает описываемый край.

Перед читателем встает тревожные январские дни 1922 года — дни кулацкого восстания в Карелии, поднятого финскими белоофицерами и остатками старого офицера. Небольшой отряд курсантов-финнов получает боевой приказ, не медля ни часа, проникнуть на лыжах в глыб «каменья», разорвать его социальную, уничтожить основные склады и белый штаб у Кимас-озера.

Лютый мороз. Выюга. Глубокий снег. Непроходимые леса. Лыды. Незамерзающие болота. Ущелья. Скалистые кручи. Кругом — беспощадные враги. Все это преодолевая горсточка партизан-пролетариев, успешно выполнивших задание. Обо всем этом и рассказывает Геннадий Фиш устами стойкого коммуниста-финна Матти Маттиайнена. Автор удачно передает героизм, суровую революционную натуру беспримечного лыжного рейда. Один из упомянутых курсант бурмочет: «Нам этого подвига не взять, мы уже выдохлись, нас к утру перестреляют, как куропатку». Это вырывается из уст Алексея, Алексея, Алексея. Партия нужна, чтобы этот подвиг мы взяли, и мы его возьмем».

Книга т. Фиша ничего общего не имеет с вялым и нейтральным отношением к революционной действительности. Вся она имеет определенную целеустремленность, политическую направленность, передает классовую ненависть рабочих-финнов к белогвардейцам, к буржуазно-помещичьему правительству Финляндии.

Геннадий Фиш. «Падение Кимас-озера», ЛенГИХЛ, 1933.

являли, их интернациональное сознание. Рассказчик заявляет: «Да, мы прежде всего коммунисты, а финны просто, и эта белогвардейская сволочь прежде всего буржуа, а русские где-то в сотом».

Книга написана очень просто, умело и живо. В ней много молодого задора. Пожалуй, даже слишком много порою. Иногда в рассказе, где азартный спортсмен, сильный рекордсмен-физкультурник как бы закрывает бдительного политического деятеля, бойна-революционера. Легкий налет чуть-чуть легкомысленного, упрощенно-победного отношения к сильным классовым врагам проявляется кое-где у Г. Фиша. Матти Маттиайнена как бы пролетаризирован, «красноблещет» автор именно в указанном смысле.

«Во мне есть что-то от спортсмена, и я еще с детства увлекался романами Джека Лондона. В том порушении, которое мы должны были выполнить, было очень много, так сказать, спортивного интереса».

Жаль, что, увлекаясь «спортивной» стороной событий, Г. Фиш мало уделял внимания показу трудящихся Карелии, активной поддержки которых обеспечила Красной армии быструю победу.

Колоритны небольшие эпизоды гражданской войны, вставленные в основное повествование. Героические образы скромных участников событий даны отчетливо и выразительно. Например, очень удачно изображен мужественный большевик Лейно, погибший в бою. Сцена прощания с ним товарищей написана очень просто и производит сильное впечатление.

Встречаются в книге небрежности стилистического порядка. Однако отдельные недостатки не умаляют общих достоинств. «Падение Кимас-озера». Книга Геннадия Фиша бодрит и волнует. Ее не хочется отложить в сторону, не закончив чтения. Она служит обнаружением большого идейно-творческого роста автора.

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

Г. Васильковский

О ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ „БРУСКОВ“ ФЕДОРА ПАНФЕРОВА*

Вот оно лежит перед нами еще не остывшее художественное произведение, которого не заменишь и не могут заменить никакие даже специальные исследования о коллективизации.

Вспомните начало третьего раздела:

«На повестке дня стоял единственный волнующий вопрос — земля. Это она созвала людей со всего округа, забывая народом... предстали в сел деревень, растерзанными, вбураженными судьюбою загопочков, полосу, всего что скапливалось годами, припасов во дворах, избах, подвалах, над чем бились, дрожали, охраняли, как охраняет медведица свою берлогу с медвежатами, что расцвевалась на жизнь — молодую, изуродованную, затоптанную раньше времени, раньше срока».

Знакомый мотив... Мировая литература знает много блестящих произведений на эту тему.

«Крестные» Балзака, «Земля», «Мужики» Реймонта, сочинения многих скандинавских писателей, даже последние книги Кнута Гамсуна «Август» всплывают кулака Эру, фантастически привязанного к своему хозяйству, «Крестные» Балзака кончатся почти восторженным гимном в честь мелкого крестьянства. «Местность» излага было узнать. Таинственные леса аллей парка были распаханы, местность напоминала картон образчиков какого-нибудь портного. Крестьяне завладели землей, как победители и завоеватели. Земля была уже разделена на тысячу участков, и народонаселение между Блажики и Конш увеличилось вдвое».

О крестьянстве пели восторженные экзотические баллады, крестьянство оплакивали лирическими элегиями, крестьянство ненавидели».

* Статья печатается в сокращенном виде.

2 ЛИТГАЗЕТА

ли, крестьянство рассматривали как низшую категорию, как что-то среднее между человеческим и животным миром. Но мировая литература до наших дней не могла выйти из заколдованного круга ограниченного крестьянского хозяйства. Почти все художники фетишизировали привязанность мужика к земле. Социальные отношения, создавшие деревню, мелкое крестьянское хозяйство, бедноту с ее безбрежностью, как океан, горем, в мировой литературе художественно подменяются мистической «властью земли», сверхъестественным или биологическим инстинктом, который приковывает трудящегося мужика к загопочкам и загоняет его тащить тяжелое бремя. Следствие этого — художественное представление буржуазных художников превращали в его причину.

Мировая литература отталкивала крестьян, составляющих большинство человечества, от освещенной рампы истории. Лассаль и тот во «Франце фон Зинкингене» не мог найти красок для изображения крестьянской войны в Германии, этого одного из наиболее подлых моментов в истории Западной Европы. Энгельс еще писал по этому поводу, что «именно это немилосердие к крестьянскому движению есть тот пункт, по вине которого и само национальное движение дворянства изображали, по моему, неправильно в одном отношении и вместе с тем уютными из виду подлинно трагический элемент в судьбе Зинкингена».

Русская дореволюционная художественная литература не была исключением. Стенка Разин, Емельян Пугачев, восставшие крестьяне и их лютое горе находили свое отражение и вдохновение преимущественно в народной самотекном создаваемой лирике. Во времена крепостничества дворянские писатели, за немногими исключениями, писали о мужике так, как они его видели из окна барской усадьбы, или как помещики видели молодых крестьянок у себя в покоях. Почти никто из этих писателей не пошел по стопам Радищева. Его револю-

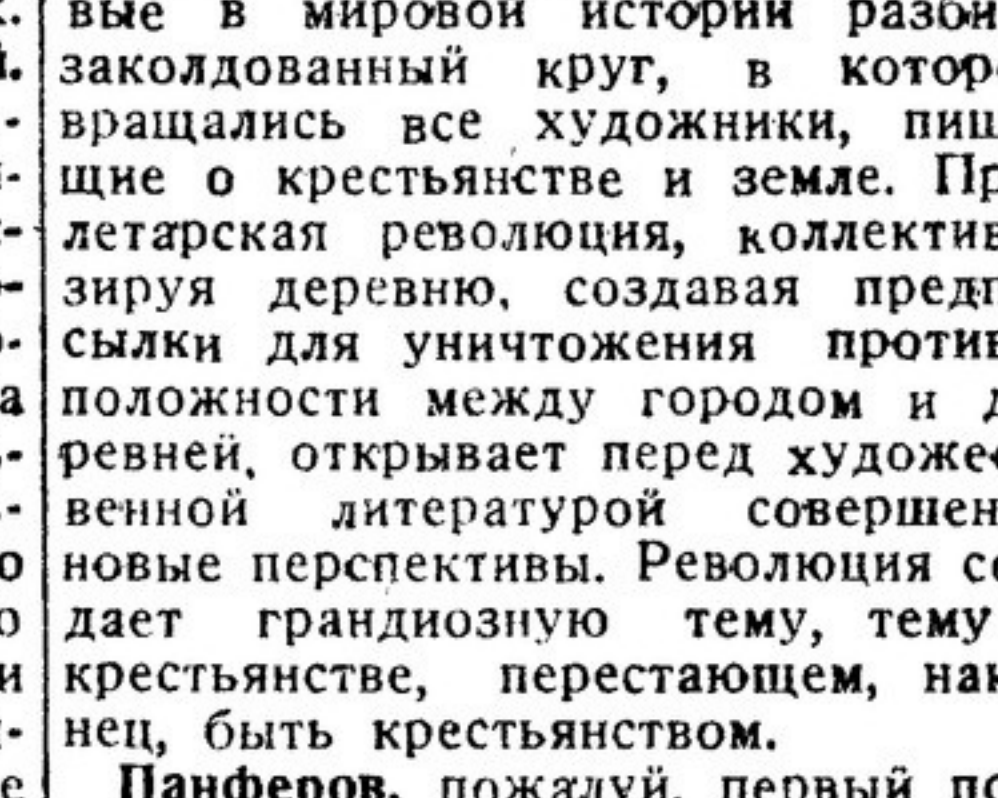
ционный возглас «Страхись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твою осужденность» остался вне художественных произведений дворянских писателей. И для Гоголя как художника крестьяне были мертвыми душами в буржуазном смысле слова. Один Кольцов напевал свои распольные песни, такие далекие от народного горя крепостного крестьянства! Народники и те в большинстве случаев не знали крестьянина. Николай Морозов, например, бывший руководитель Народной воли, редактор «Земли и воли», в недавнем переиздании «Повестях моей жизни» следующим образом характеризует движение семидесятых годов: «Класс русского крестьянства, если позволено так выразиться, и ряд «социальных» с ним интеллигентных слоев боролись за свою свободу, которую они слывали со свободой всей страны, за свое будущее, за живую науку в университетах и других учебных заведениях. Не чувствуя за собой достаточно сил, они обратились за помощью к простому народу под первыми попавшимися идеалистическим знаменем и сделали из крестьянства себе бога. Как равнодушно встретил их народ семидесятых годов, уже показала история». Естественно, что точка зрения идеологов народничества не могла не отразиться на писателях-народниках.

Обстоянием стоит Глеб Успенский. В литературе о крестьянстве и земле послереформенной эпохи главнейшими фигурами являются Глеб Успенский, Частинин Некрасов, Корolenko. Но и Толстой не мог вырваться из заколдованного круга фетишизации самообитания крестьянства, из сферы мелкого крестьянского хозяйства. Ленин писал о Толстом: «Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье право, уничтожить все старые формы и распорядки земледельца, расчистить землю, создать на месте полицейско-классового государства объективные свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью про-

ходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов».

Пролетарская революция впервые в мировой истории разбила заколдованный круг, в котором застряли все художники, пишущие о крестьянстве и земле. Пролетарская революция, коллективизация деревни, создание передовых для уничтожения противоположности между городом и деревней, открывает перед художественной литературой совершенно новые перспективы. Революция создает грандиозную тему, тему о крестьянстве, переставшем, наконец, быть крестьянством.

Панферов, пожалуй, первый поднял эту новую тему. «Брусков» — книга о трудящемся крестьянстве, отказывающемся от своего мелкого хозяйства, освобождающемся от «власти земли», переставшем быть ее рабом и становящемся ее хо-

Ф. ПАНФЕРОВ

занию, книга о том, как трудящийся крестьянин преодолевает в себе собственника.

«Брусков» — эпопея коллективизации. Она создавалась и создается одновременно с великим движением стомилионной массы, с ее борьбой, радостью и горем; крестьянской массы, которая под руководством пролетариата поднималась, чтобы стереть с лица земли тысячелетнее преступление классового общества, породившего идиотизм деревенской жизни, чтобы создать и укрепить новый колхозный строй. Первая книга «Брусков» вышла в 1928 году, еще накануне сплошной коллективизации, вторая — в 1930-м и третья в нынешнем 1933 году (напечатана в «Октябре»).

«Брусков» как эпопея коллективизации подводит красивую жирную черту под всю мировую литературу о крестьянстве и деревне.

Глеб Успенский и Федор Панферов — эту большую литературно-художественную тему следовало бы разрабатывать, чтобы еще рельефней и ярче оттенить литературные произведения, посвященные под и над чертой Успенский и Панферов — две примыкающие к этой черте эпохи. Первый жил и писал во время разложения общинного земледелия.

Вспомните, например, разговор с Иваном Ермолаем у Успенского.

«Скажите, пожалуйста, неужели нельзя исполнять вообще таких работ? Ведь вот солдат, вынужденный драться, вынужден из них мучиться, и вынужден из сил выбиваться, и обманывать, и в конце концов нищенствовать все... Но, соединяя свои силы, своих лошадей, работников и т. д., они были бы сильней самой сильной семьей... Ведь тогда незначительные мажоретские дети в работу и т. д.

— То есть, это сообща работать? — Да. — Иван Ермолаич подумал и ответил: — Нет! Это не выйдет... — Иван Ермолаич и опять сказал: — Нет! Куда! Как можно... Тут десять человек не поднимут одного бревна, а один-то я его как перо снесу, ежели мне потребуются... Нет, как можно! — Тут один скажет: «Бросай, ребята, пойдем обедать!» А я хочу работать... Теперь как же будем... он уйдет, а я за него работай! Да нет... невозможно этого! Как мож-

но! У одного один характер, у другого — другой... Это все равно, вот ежели б одно письмо для всей деревни писать...»

Капитализм разложил общинное земледелие. Из общины в условиях царской, буржуазной России вырос капитализм, а не социализм. Народники не понимая исторического смысла происходящих событий, сердились, отчаивались. Мрачными красками рисовал Успенский дифференцирующуюся деревню. Вера Фингер в третьем томе своих сочинений передает очень характерный с этой точки зрения разговор с Успенским. Фингер идет в общество упрекала Успенского, что он показывает только отрицательное в деревне, на что Успенский ответил: «Вот, господа, обижаете на меня Вера Николаевна за мужика моего! Он нравился ей мужик мой... Она требует: подай ей мужика, но мужика шокладного!»

Какие богатые источники открыла коллективизация для понимания истории России. У колхозных полей следует еще и еще раз прогнать многие исторические события. Над немерзлыми колхозными полями опять и опять всплывают образы Ленина, который с первых шагов своей партийной деятельности критиковал и разоблачал реакционный бред народников. Как известно, вся тяжесть критики экономической программы народничества лежала на Ленине. И как блестяще, как убедительно для начинающих тогда складываться кадров пролетарских революционеров Ленин доказал, что в земледелии пришел капитализм, пришла техника, что идет дифференциация, что из общины растет не социализм, а кулак, растет Иван Ермолаич. А на другом конце исторического пути после победы диктатуры пролетариата Ленин доказывал и все подготавливал для того, чтобы трудящийся крестьянин при наличии мощной социалистической промышленности, техники пошел в колхоз. И он пошел!

В шуме колосьев, которые уже в этом году довольно густо и высоко подымаются на колхозных полях, перекапываются исторические эпохи нашей страны. Колхозная пшеница и рожь подытоживают тысячелетнюю историю крестьянства. И Панферов, который творит в эпоху выкорчевывания корнев капитализма в деревне, как будто продолжает беседу Глеба Успенского, рассказывает всему трудящемуся крестьянству: «...из-за зволочка... надвигались, точно огромные тупорыльные танки, загнанные в причудливые кибитки, тупорыльные тракторы. Они шли рядками, один за другим, наискось, широким фронтом захватывая огромную площадь озимой пшеницы, влоца за собой кибитки. От кибитки поднимались вы

Париж, запечатленный Эренбургом

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ — М о й П а р и ж . ИЗОГИЗ. 1933

На гребне больших событий

О НОВОМ РОМАНЕ АЛЕКСАНДРА ЧЕРНЕНКО

«Много месяцев, — рассказывает И. Эренбург, — я бродил по Парижу с маленьким аппаратом. Люди иногда удивлялись, почему я снимаю забор или мостовую. Они не знали, что я снимаю их. Порой те, что находились передо мной, отвернулись или прихрамывали: они думали, что я снимаю их. Но я снимал других: тех, что были в стороне. Я на них не глядел, но именно их я снимал. Это нарочно. Это хитрый аппарат. Зовут его нежно «лейка». У «лейки» боковой видоискатель. Он построен по принципу перископа. Я снимал под углом в 45 градусов».

Талантливый писатель оказался и талантливым фотографом. Книга его снимков превосходно издана Изогизом (техн. редакция А. Бродского), текст в этой книге иллюстрирует фотографии, и все-таки эта интересная книга представляет явление больше порядка литературного, чем изобразительного, потому что только писатель и может дать снимкам такую художественную выразительность. Специалиста-фотографы могут найти технические недостатки в работе Эренбурга: вряд ли он сам претендует на техническое совершенство. Но только талантливый писатель с большим сатирическим дарованием мог найти для фотографического объекта такую художественно убедительный материал. О натуралистической литературе говорят с упреком, что это фотографирование действительности. Эренбург показал, что и фотографирование можно сделать искусством. Его снимки — это маленькие новеллы. Они даже не нуждаются в пояснительном тексте, так выразителен сам по себе их «пейзаж».

Эренбург смотрел на Париж, а снимал «под углом в 45 градусов», то что Париж обычно прячет. Вышла поэтому книга снимков, разбросанная Париж. Столица Франции показывает посетителю свои бульвары, роскошные магазины, метрополитен, парадные улицы, шумом и оживлением. Эренбург снимал, глядя на Париж, то что «в стороне»: грязные, темные, вонючие улицы и переулки, бездомные, которые проводят ночь свою на тротуарах, старьевщиков, «блуждающие рынки, уличную убогую любовь». Книга дает задворки капиталистического Парижа, и оказывается наперекор, что нет большой разницы между самым блестящим городом европейской буржуазии и до-революционным Гнилопалом или «городком Окуневым» — местами, где в грязи, нищете, болезнях колыхалось, поедом сло друг друга, паршивое пролетарское месшество. Вот парижская улица, она называется «улицей Акания», и есть другая — «улица Миндаля». Эренбург бродил по этим улицам со своим аппаратом, выхватывая запах постного масла, жареного лука, смотрел на грязь, на облупленные, в пятнах застарелой сырости стены, и снимок его переносит нас на улицы до-революционного Минска.

Париж Эренбурга это большой умирающий город. Так и заканчивается книга. Дряхлая старуха смотрит на свои руки застывшим взглядом — смотрит ли? «Так останавливается время», — говорит подпись к последнему снимку, и следующие строки заканчиваются иллюстрирующим текст: «Так обыкновенно умирают люди. Может быть, так же умирают и города».

Старик и старух все больше в книге Эренбурга. Он их замечательно собрал, редкую обнаружил способность рыться в человеческом мусоре и извлекать поразительные экземпляры человеческой дряхлости.

Широкое вздыбилось, как пьяный, взломанная баба. За Широко, Буераком подымают соседние села — Никольское, Подломасово, Колюри, затем летят перекинувшись дальше и, как пожарные, охватывают целые районы.

В великом потоке коллективизации слились многие ручьи, разные настроения. Была бурная радость, что приходит конец старого: восторженность перед новыми надвигающимися грандиозными событиями; отчаяние кулацкого анархизма; боль оттого, что уходит старое, насаженое, знакомое, близкое.

«Все было хорошо: текло, как течет Волга, как восходит солнце всегда за Байбашской горой, как ходят люди, ступая лапами на землю, но, не вверж ногам. Все текло, шумело, густо, как сало. Верно, шумела, как небо, бунданы маленькая — те, что они снова поднялись, но все трубы, забарабанили все барабаны, кричат, раздирая глотку, велют уходить... обезбредить все, душу вымотать... Теперь лощадка у двора, которую он, хозяин, с такой охотой разметал перед праздником, особо перед тронией, утаска ее бережками, посялая золотистым песком, — теперь лощадка зарастает травой: не постоит на ней телега, как стояла она, бывало, после полевых работ, не ступит на нее и нога кова, — она уедет на общий двор, на общую конюшню, туда же укатят телегу, унесут с собой и оставят его одного, хозяина, без лошади, как собака без хозяина».

У него и старьевщиков много, потому что он и сам оказался талантливейшим старьевщиком. Он не только любовно охотился по всему Парижу за редкими экземплярами старини, он и в людях молодых, даже в детях охотнее всего отыскивал черты раннего старчества. Он недаром ссылается на Франсуа Вийона, который «не мог поцеловать девушку, не припомнив дряблого старческого рта, который дышит тленом». Он заснял парижских детей, уже изъеденных скептицизмом, лишенных детства. Но молодежь лишь как исключение встречается в книге Эренбурга, — можно подумать, что Париж весь состоит из образчиков, противных животов, из обезличенных, из дряхлых, трысущихся колен.

На одном снимке Эренбург показывает танцы, но и танцы эти кажутся погрешением, лишены всякого веселья, и единственной, кажется, веселый снимок в книге Эренбурга — это снимок похоронок: парижские старухи весело шествуют на этом снимке по случаю смерти соседа.

Книгу свою Эренбург заветливо назвал «Мой Париж», — какой же это мрачный, грязный, кланливый Париж! Оказывается, уже шестидесять лет живет писатель среди этой капиталистической гнили, и просто поразительно, как же это он не бежал оттуда... Ведь до чего это трудно уберечь себя в таком окружении, не поддаться гнилопалому заразе, не проникнуться и самому мрачными настроениями. Долгая жизнь на кладбище или в больнице не проходит даром. Конечно, и по «Гамлету» мы знаем, что и среди голубчиков встречаются люди с мордой, но унылый обычно это юмор. Но хорошо знает Эренбург, как обманули никакие вывески и маски, раскрашенные капиталистической рекламой. Он показывает нам изнанку буржуазной цивилизации, он «срывает маски». Его книга — это собрание документов. Фотоискусник не уступает нотариальной визе. Коллекция консержек говорит о гнусном месшеством быте Парижа лучше и убедительнее, чем могли бы сказать об этом специальные труды экономистов, и для знакомства с жизнью парижского месшества книга Эренбурга может послужить как настольное руководство.

Советский читатель, естественно, спросит в первую очередь, есть ли в книге Эренбурга парижский пролетариат. Это вопрос необходимый. Это не значит, что всякий писатель, который пишет о капиталистических странах, обязан писать и о пролетариате. Писатель может ограничить себя и писать только о старухах и старушках. Это его право, и он может показать нам прямо, что из тех старых древних старух. Но значительность его наблюдений будет весьма относительной, потому что древние старухи занимают не слишком большое место даже в самых передовых капиталистических странах.

В книге Эренбурга есть и парижские рабочие. Их очень мало, и они показаны очень бедно. Это объясняется парижской географией Эренбурга. Он указал те места, по которым он бродил преимущественно: «У цинковой стойки баров, в тумане узеньких улиц или на валах фортификации, поросших чахой травой и бездомными мечтателями». Тут очень много встречается всякого социального старья, и на эти овалы овалов тянуло Эренбурга; но цинковой стойки бара понападались Эренбург старухи. Он видел и заснял, как они запрягают. Однажды он поймал «лейкой» молодого рабочего с завода «Ситроен» в такой момент, ко-

гда рабочий преподносил букетик флажок своей полудре, молодой швейке-работнице. Вот и все. За рабочими Эренбург не охотился со своим аппаратом, может быть, потому что они не так интересны в качестве экземпляров старости. В Париже свыше полумиллиона рабочих и есть крупнейшие заводы автомобильной и авиационной промышленности. Есть, стало быть, и пролетарский быт. Рабочие живут и ведут борьбу. Об этом мы знаем из газет и из других книг. В Париже издается газета «Оманите», каждый номер которой рассказывает о насыщенной пролетарским бытом жизни Парижа. Есть, мы знаем, интересные люди среди трудящихся Парижа, замечательные типы, предвосхищающие будущее. Библией сердитый бог соглашался даже ради десяти праведников позволить грешнику год Солдом, а Эренбург и десяти человек не нашел таких, ради которых стоило бы признаться за Парижем право на жизнь!

Это не «Мой Париж», — возразит Эренбург и будет по-своему прав. Его Париж — это не Париж пролетарских боев и пролетарского быта. Это вместе с тем не Париж крупной империалистической буржуазии, претендующей на власть во всей Европе. Париж Эренбурга — это и не Париж буржуазной техники и науки, хотя и загнивающих, но еще достаточно сильных, чтобы служить капиталу новейшими изобретениями хорошо вооруженной ширини. Париж Эренбурга — это Париж-месшество, Париж-Гнилопал, и каким глубоким знанием месшечковой жизни надо обладать, чтобы, находясь в центре мировых столкновений, схватить острым взглядом именно затхлость, отсталость, гниение блестящей международной столицы.

Книга Эренбурга, несомненно, разоблачает Париж, но она разоблачает и самого Эренбурга. Его «лейка» снимает не на 45 только градусов, а одновременно и на 180. Право художника — бродить, где ему угодно, для наблюдений. Эренбург привлекают задворки.

Боковой видоискатель оказал услугу Эренбургу. Он снимает действительно только то, что «в стороне».

Симфония труда, новых создающихся социалистических отношений звучит в романе Черненко «Морьяна».

«Морьяна» — роман о том, как борется человек со стихией, как благодаря необычайному упорству и выносливости он выходит победителем из борьбы.

Роман динамичен, насыщен событиями, своеобразен и свеж.

События, происходящие в романе, взяты в момент их особенно острого напряжения.

«Грунто хвастала в Волгу сырая и рыхлая «морьяна»... «Блажные каспийские ветры спадали тяжелым рассолом на взморский прозрачный лед»... «В дворах и продуках ветру не было простору, и он отчаянно метался, вихрил, валяла плетни на землю, выдвигая окна, сотрясая дома»...

На этом фоне развеваются события. И люди, словно сохраняя стремительность действия, охвачены этой динамикой.

Герои романа встают перед читателем в самые острые переломные моменты своей жизни. Глуша уходит от Моти, с которым прожил шесть лет. Митрий накануне новых событий в новой жизни, накануне создания собственного хозяйства, собственной семьи. Яков Турка решительно ставит перед собой вопрос о разводе. Между Турком и спущенным Краснощеким намечен серьезный конфликт. Кулаки доминируют сам себя перед эксплоатируемыми им людьми своей ненавистной жадностью. Лешка-матрос, Андрей Палыч, Костя Бушлак начинают организацию артели. Максим Егорыч и тот хочет как-то разрубить свою разоренную жизнь на маяке.

События развеваются в глухом рыбацком поселке, «что принок к мюрю на самом выкате Волги».

Книжные новинки

★ Роман шотландского писателя Эрика Линкелера «Жуан в Америке», в форме острого и веселого памфлета, показывающий быт и нравы современной Америки, — печатается в ГИХЛ.

★ Книга: Гайдара «О комсомольцах, Терентьева «Поэма о комсомольце» (для младшего возраста), Э. Багрицкого «О комсомольце» (для дошкольного возраста), альманах, посвященный комсомолу (для среднего и старшего возраста) — вытискивает «Молодая гвардия» к 15-летию комсомола.

★ Ученик набороного художника — историческая повесть Т. Богдановича о жизни типографских рабочих России XVIII века с рисунками Е. Сафонова вышла в «Молодой гвардии».

★ Первые книги молодых писателей: Кулаева «Взрыв» (о рабочих текстильной фабрики) и Малеева «Горюхане» (рассказы из современной жизни) вышли из печати в МТП.

★ Книжки стихов молодых поэтов: А. Оксендер «Мертвый узел» (жизнь Красного морского флота, о комсомоле) и С. Васильева «Возраст» (колхозные и оборонные стихи), печатаются в МТП.

★ Новые книги П. Замойского «Поворот» (III книга «Лангет»), Яковского «Дворики» (вторая часть романа), избранные рассказы С. Будачева выпускает МТП.

★ Книга В. Персова о жизни бедноты еврейской месшечки и переломе еврейской рабочей бедноты на фабрике и в колхозе под названием «Красный рог» печатается в МТП.

Здесь еще продолжают держаться в своих руках скупишки Дойкины и Краснощекы, ухитряясь получить даже предначиненные беднякам кредиты.

Но Черненко верен себе в поставленном задании взять все события на гребне волны. Рыбакам надоело безропотно сносить злопотоное издевательство Дойкиных и Краснощекых.

Роман еще не закончен, завершено только первый круг его, и это не позволяет сделать окончательные выводы, но уже достаточно определить общую направленность произведения, наметить место, которое оно займет в литературе, сказать о художественном росте Черненко, указать отправные точки, которые должны получить развитие в дальнейшем ходе романа.

Несмотря на огромное значение, которое имеет в общем развитии нашего хозяйства промысловое рыболовство, у нас не было до сих пор ни одного крупного литературного произведения, посвященного рыбацкой артели.

Черненко выйдет в первый ряд советских писателей, если на протяжении всего романа не ослабит художественного мастерства, если сумеет развить намеченные вопросы, вскрыть процесс переломки меского социализма в стране, создать новых социалистических отношений, по-новому показать классовую борьбу на неосвоенном еще в литературе участке народного хозяйства, вскрыть корни классовых вражд, наметить путь победы пролетариата.

«Морьяна» — несомненно большое достижение на творческом пути автора. Если «Расстрелянные годы» подкупали читателя своей необычайной искренностью и простотой, то «Морьяна» уже зрелое художественное произведение.

Интересно сопоставить «Морьяну» Черненко с недавно вышедшим романом Гамсуна «Август», построенным на аналогичном материале. У Гамсуна, так же как у Черненко, действие развевается в небольшом рыбацком поселке. Однако характерно, как различия миропонимания отразилась на художественной передаче описываемых событий. В описании Гамсуна рыбаки — это лодыри, бродяги, бездельники, которые нищенствуют из-за своей лени, потому что не хотят трудиться, потому что не хотят бороться за сохранение родного счастья. В Черненко же рыбаки — это люди, которые борются за сохранение родного счастья, борются за социализм, борются за свободу, за мир, за счастье.

У Черненко безликая масса Гамсуна показана в ряде очень ярких, очень выразительных типов.

Краснощеким-партизан Лешка-матрос, несмотря на свою инвалидность сохраняющий полнокровное радостное восприятие жизни, Бурки, представляющий большую интеллектуальную и политическую силу, Андрей Палыч, про которого кратко, но выразительно говорит автор: «Он напоминал собой тревожно-тихий, зашпигельный Каспий перед штормом в безветренные летние дни», «Колька, который три месяца прожил с семьей без хлеба, а потом превратился в безжалостного обирателя чужих охавов», Сергет, что «каждо копил денгу на полную справку, надеясь стать сам себе хозяином», готовый заморить голодом больную жену; Митрий-комса, в котором, по выражению Лешки-матроса, «касау нет», Васяка Сазан, что «выбаркавался, рвался в жизнь по-всякому всяким способом» — это как раз именно те ловцы-труженики, в упорной борьбе со стихией и с сохраняющимися остатками капитализма за-

воевая борьба есть право на жизнь, которые так презрительно окристал Гамсуна лодырями и тунеядцами.

«Благодетелю» Августу Гамсуна можно противопоставить мужика Краснощеку, добывающего свое богатство путем обкрадывания соседей, убийством встречного на пути киргиза, всякими темными проделками.

Август приходит в поселок с карманом, туго набитым денгами, и разбрасывает их направо и налево; Гамсуна очень мало интересует, как он добывает эти деньги.

Черненко раскрывает, каким именно путем Краснощеков добывал свое богатство.

О Дойкине мы пока знаем очень немного, но известно, что он добывает себе капитал, скупая ворованную рыбу. Однако мы уже совершенно отчетливо представляем себе этого человека.

Кулаки у Черненко пока на втором плане. На первом плане — труженики-ловцы.

Место всех показанных в романе лиц определяет их отношение к собственности.

Тема о преодолении собственности инстинктов, о перерождении меского собственника в коллективиста — одна из самых актуальных и волнующих тем, которая долбо должно привлекать внимание наших писателей.

Очень любопытен с точки зрения противоречий тяготеющий к меской собственности и одновременно отказывающийся от нее Максим Егорыч.

Жизнь Максима Егорыча заставляет его выработать довольно цельное мировоззрение.

«Никудышные вы с Васькой Сазаном ловцы. И спрашивают у вас своей пет, — все на рыбаков, на живоготов работаете», — бросает Максим Егорыч обвинение Митрию. Свою незаинтересованность о нем высказывает «Я, бывало, всегда имел свою справу».

Однако на создание собственности несколько лет назад Егорыч отдал все свои силы. «Сорок годов копил, на смерть в море ездил. Ежели нехватало сил или бедо случалась, крад уловы у живоготов, в тюрьму мог попасть и все копия да копия».

Половинчатость Егорыча — самое характерное его качество, он всегда был на уме и вместе с тем он сам точно не знает, чего он хочет. Решил отдать Глашу за Митрия, он, однако, очень быстро поддается уговорам Лешки, и брошенная Лешкой мысль о том, что у Митрия «касау нет», окончательно отталкивает Егорыча от Митрия.

Остальные люди, выделенные в романе, имеют к собственности гораздо более определенно выраженное отношение. Резко разграничены два лагеря — Дойкин и Краснощеков и противоположные им остальные ловцы-труженики.

Единственный человек, перед которым не стоит проблема собственности, — это Глуша. Глуша живет еще бессознательно. Глуша — стихийное существо, со всей страстью отдающееся чувству, не умеющее скрыть от окружающих своих переживаний. Глуша задерживает на себе пристальное внимание читателя.

Черненко в «Морьяне» сумел добиться гармонии формы и содержания, что не всегда удавалось ему в «Расстрелянных годах».

Пейзаж Черненко — органическое, неотъемлемая часть всего романа, часть содержания, без которого роман потеряет свою выразительность.

Черненко на основе изучения действительности неоспорим.

Массовое литературное движение

Писатели Челябинского тракторостроя

Строительство гигантов социалистической промышленности резко изменяет не только экономическую географию нашей страны. Старый, «седей» Урал, преобразованный в одну из наиболее технически развитых областей Советского союза, выдвинул в литературу из числа ударников новостройки около половины всего состава уральской областной литературной организации. Из 800 человек этой организации около 300 дали новостройки.

Необходимо отметить еще одну важную особенность: к моменту пуска гиганта социалистической промышленности обычно выходит из печати первая книга произведений писателей, взорванных на стройке данного гиганта. Это мы видим и на примере Магнитостроя, и на примере Челябинского тракторостроя.

Челябинский тракторный завод им. Сталина, краса и гордость нашей страны, вступил в строй социалистической индустрии всего лишь несколько недель назад. Однако на этом заводе уже второй год работает группа молодых поэтов и писателей, насчитывающая в своих рядах больше 20 человек. Добрая половина из них уже печатается.

Литературная группа ЧТЗ выпустила к моменту пуска своего завода первый сборник произведений «Северный ветер» (УралОГИЗ, 1933).

Основной темой сборника является завод, будни строительства, борьба за ударный труд.

В стихотворении «Дни» поэт В. Медведев пишет:

Помнят все, как мы явину ели
Лишь вчера, в гражданскую войну,
Страшный тиф калечил наше тело,
Умерщвляя советскую страну.

... А сейчас про нас кричат поэмы
Голосом испещренных страниц,
Ведь недаром гибли в Октябре мы,
Сынясь поселком и станком.

Последние строки стихотворения насыщены призывом к индустриальным строителям: «Чтобы сплошным гигантским Тракторостроем сделать нам советскую страну!»

Участники сборника «Северный ветер» являются и участниками строительного ЧТЗ. Вот почему завод-гигант, возмущенный на прежнем степном пастухе, пробуждает в них чувство глубокой злобности и восхищения. К. Реут в стих. «Первое упоминание о другом» пишет:

Я пою степь еще пустой и гладкой,
И только тракт набит годами был.
Однажды осенью там выросли папки
После дождей, как белые грибы.

Теперь же ему кажется, что грандиозный завод и «стройный поход собран усилиями всех земных эпох». Это чувство злобности и радостного удивления ярко проявляется в стихах одного из лучших поэтов ЧТЗ С. Уланова:

А мы за работой
Не видели сами,
Как вдруг чертежи
Поднялись корпусами.

Когда завод строился, не оставалось времени для лобзания плодом своих усилий. «В прибое больших и упорных усилий» мечту мы об отдыхе в чех уносим!»

Настоящая, дополненная любовью к социалистическому труду, ставшему делом чести, делом славы, делом доблести и героизма, пронизывает весь сборник «Северный ветер».

И. Иванов в рассказе «Гусиный командир» рисует процесс превращения ранее забытого деревенского пастуха в героя социалистической стройки, энтузиаста ударного труда.

Крестьянский парень, говоря словами поэта Николаева, «пришел на стройку совсем не героем»; героем его сделал завод, социалистический труд. Новый труд, новые производственные отношения родили человека вторично. Это явление типично не только по отношению Лари Михайлова, но и в отношении к земледельцу Хисаму Шахмудинову и Султану Мухамарову (очерк А. Александрова «Первая татарская»), в отношении к колхознику Воробьеву (стих. С. Уланова «Песня о Воробьеве»), плотнику Мельни-

кову (рассказ С. Черепанова «Северный ветер») и многим другим людям, «стройке отдавшим молодость и ремесло».

Сумели ли авторы достаточно полно осветить эту тему хотя бы в масштабе своего завода? Разумеется, нет. Собранные в сборнике произведения можно охарактеризовать лишь как отдельные наброски и штрихи большой картины. Некоторые из них сделаны более удачно (стихи Уланова, Реута, Медведева, очерк Черепанова), другие — слабее. Большинство авторов в подавляющем большинстве не сумели выразить в своих произведениях тех отдельных моментов этой борьбы. Но «Северный ветер» — первая проба пера. В дальнейшем авторам сборника предстоит большая, серьезная работа, овладение литературной техникой и большевистским мировоззрением. Без этого невозможны успешное продвижение вперед.

Некоторые из авторов сознают трудности, стоящие на их пути. Поэт Н. Николаев в стих. «Этажи», посвященном ударнику Козлову, говорит:

Я знаю — тебе не возиться с фразами,
Слов не бросать, как жонглеры южи.
Слов не бросать, как жонглеры южи.
Слов не бросать, как жонглеры южи.

Слов не бросать, как жонглеры южи. Чем грубей вынашивать этики.

Кто видел величественный ЧТЗ, тот знает, какая могучая кисть художника требуется для воспроизведения его в достойных художественных образах. Это особенно повышает требования к писателям и поэтам ЧТЗ.

Учиться, учиться и еще раз учиться — таков ленинский слогун, стоящий перед писателями и поэтами ЧТЗ, авторами сборника «Северный ветер».

И. АСТАХОВ.

Работа с начинающим писателем все еще плоха

О РУКОВОДСТВЕ ЛИТМАССОВЫМ ДВИЖЕНИЕМ

Президиум Оргкомитета ССП СССР устроил 10 июля съездный расширенное заседание по вопросу о работе с начинающими авторами, которую ведут наши журналы, газеты, издательства, центральные и местные литературные организации.

С докладами о своей работе с пролетарскими, колхозными и красноармейскими молодыми писателями выступили представители ГИХЛ (т. Оборин), Профиздата (т. Грудская), редакции журнала «Рост» (т. Кириш), Ленинградского оргкомитета (т. Слегин), оргкомитета массового отдела Оргкомитета ССП СССР (т. Ю. Березовский), сектора обороны Оргкомитета ССП СССР (т. Либман).

Методы работы редакций, издательства и оргкомитетов Ленинградского оргкомитета ССП СССР с начинающими авторами, все системы руководства массовым литературным движением в нашей стране, в том же виде, в каком она проводится в настоящее время, подверглась решительной самокритике со стороны докладчиков (т. Кириш, Либман) и выступавших в прениях т. Суркова, Жиги, Ставского, Сименна, Соболева, А. Фалева и др.

Выдвижение рабочим классом, колхозниками, красноармейцами все новых и новых кадров начинающих писателей, культурный их уровень требует коренной перестройки всей системы руководства массовым литературным движением.

Необходимость этой перестройки резко подчеркивает в сформулированной т. А. Фалевым резолюции президиума Оргкомитета, которая отмечает и ряд достижений в работе отдельных издательств («Профиздат», журнал «Октябрь» и «Рост») и литературных организаций (Ленинградский оргкомитет).

В одном из своих предшествовавших совещания постановлений президиума Оргкомитета в Москве (по инициативе Ленинградского рабочего литературного университета, который должен явиться высшей формой работы с начинающими авторами. Решено также принять все меры к открытию университета им. Горького к началу 1934 г. Признано необходимым создать массовый литературно-художественный журнал для колхозных авторов.

Разговор на скамейке скверика у Дома Герцена.

— Собираюсь на новостройку какую-нибудь поехать... Не знаю куда. Все уже описано.

— Давайте я вам укажу десятки новостроек, одна грандиознее другой. И ни одна не описана в литературе. И близко. Есть такой город в СССР.

— Где?

— Совсем близко. Рядом. На трамвае можно. Город Москва. Слышали?

— Я хотел с вами посоветоваться серьезно. А вы...

— Да я тоже вполне серьезно... Разве мало в Москве новостроек? Мало новых заводо-гигантов? Мал размах перестройки? А как использовать этот замечательный материал в нашей художественной литературе? Только как фой, как адрес, как ландшафт... Ведь вот тут рядом, под ногами материал лежит!

— Это вы про метрополитен?

— Хотя бы и про метрополитен. А канал Волга — Москва? А Дворец советов! А новый стадион в Измайловском зверинце! Да почему не написать роман, скажем, о Могаче? Ведь все это совершенно бесценный материал, несхожий ни с чем, ни в стране, ни в мире. Как это ни странно, но Москва ведь до сих пор «белое пятно» на нашей литературной карте. Север, Украина, Урал, Средняя Азия как бы все-таки уже отражены... А Москва — все белое пятно.

— Ведь провалился, кажется, что такое... Третьяков, поминай, в «Правде» писал. Потом даже бригады организовали. Хотели социалистический путеводитель по Москве, что ли, написать. Народу видимо-невидимо набрали. И Третьяков, и Олеша, и Бабель, и Славин, и Габрилович, и Колыцов, и Тэсс, и Ильф-Петров, и Касиль, и Холодный и др., и др. А толку не вышло что-то... Разбегались.

— Да, не вышло. И очень жаль. Давно бы пора открыть Москву.

— Действительно, белое пятно. Срам! Нелепое положение... Ну, мне пора... Не проводите? Я думаю зайти в метрополитен...

— В метрополитен? Подойдет, значит, разговор.

— Нет, мне в «Метрополь». Заднюю ходу на городскую станцию. Как там насчет билетов.

ЖЕРТВА МАРШРУТА

Расс. А. ЗУБОВА

Поэт засел за стол с утра
И вдруг почувствовал замкнуто
Он за отсутствием пера
Грызет машинку;
Он думает:
— Как много тем!
Обиле много пугает!
Возьмешь одну, а между тем
Обидится другая!
Какая тема — комсомол!
Ищи себе легко и бойко!
А где поев?
А где помол?
Где перестройка?
Пойти в историю?
Но выход сей
Таит в себе возможности конфу-
— Петром казен паревич Алекс-
сей.

ПИСАТЕЛЬ: В Москве что-то случившееся...

Матерн своих костей не заносил, и то там читала мою книгу. А тут рядом, в Ленинграде мое имя — ту-ту-ту! Долго ли будет еще игнорировать эту постыдную традицию? Это только писателю разговорчик об известном антагонизме между Москвой и Ленинградом!

— Одну минутку, — сказали редактора, — вот вы знаете, конечно, писателя Б?

— Б?.. Позвольте... А что он такое написал? — сказал А.

Тем временем писатель Б направился в лучшие московские... впрочем, не будем бисировать. Условия задачи ясны. Спрашивается, когда же критики двух наших крупнейших литературных центров преодолели свою «географическую злобу» и заговор об «иногородних»? Пока этой почести удостоены очень немногие: Толстой, Тихонов, Павленко — и обелся. Список ждет продолжения.

ЛИТЕРАТОР.

ТАК ДАЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ!

ПИСЬМО РАБОЧЕГО-АВТОРА

Я написал книгу под названием «Басмачи». Материалом послужили личные переживания, наблюдения и впечатления от борьбы с басмачами в Таджикистане, в которой я активно участвовал.

Книжка является моею первую попыткой взяться за перо, — я работаю у шифровального станка завода «Шарикоподшипник».

Тов. К. Горбунов был первым консультантом. Он поощрял меня в работе и рекомендовал ГИХЛ напечатать эту книгу, правда, в более узком объеме. Теперь он решил, видимо, убить во мне веру в то, что рабочему можно стать писателем.

Тов. Горбунов добивается отвода книги из сборника произведений начинающих писателей.

Книга «Басмачи» прошла несколько рук. Она была начитана и писателями: 1. Иванов, 2. Богданова, 3. Яковлева, 4. Ал. Ст. и наконец, прошла проработку творческой бригады Оргкомитета, на которой присутствовало более 50 чел. Отзыв положительный.

Восьми лет я пошел, как и отец, в пастухи, из пастухов в батраки. Смерть отца и побой хозяев толкнули меня в город. Стал работать на фабрику. В дни свержения царя в Пущере я был тяжело ранен на улицах. Пошел в деревню поправляться, но в первый же день своего приезда в уездный центр был арестован за выступление против войны с требованием немедленной передачи земли помещицким крестьянам.

Бежал из-под ареста, скрылся в лесу, начал подымать крестьянские восстания против помещиков и капитальных эскадронов, организовал отряд Красной гвардии. Руководил уездным ревкомом, успелкомом и укомом. Участвовал в борьбе с нашествием на Тамбов Мамонтова.

Боролся с колчаковщиной на Урале, в Екатеринбург. За партизанскую работу награжден трижды: оружием, золотыми часами, почетной грамотой. В марте 1917 года вступил в партию.

Потеряв здоровье, но не желая быть еще полезным и партии и советской власти, я пошел на производство, где и работаю сейчас шифровальщиком. Попытку писать сделал в 1928 году, но, никем не поддержанный, я забросил ее.

Призыв партии вернуть меня к этой мысли, и я взялся за перо, охватывая вместо поддержки встретил колхозное отношение к себе.

С рабочим приветом
А. ЯНИН.
(Ст. Ухтомская, Московско-Казанской ж. д.).

ОТ РЕДАКЦИИ: 10 июля президиум Оргкомитета слушал доклад о работе с рабочим-автором «Рост», ГИХЛ, Профиздата. Стоял в повестке дня доклад «Сов. литераторы». На доклад зав. литконсультацией т. Горбунов, несмотря на разговоры с ним утром по этому вопросу, не явился. Президиум ОК по докладу вынес решение, которое отмечается, что в работе с рабочим-автором еще имеется бюрократический, сплошной подход. Факт, приводимый в письме т. Янина, подтверждает это. Факт этот не единичен.

В середине июня по просьбе «Сов. литераторы» ленинградским Оргкомитетом посланы рукописи рабочих авторов Кружковой, Спелавской, Глебова, Покровского и др. для редактирования к изданию в «Сов. литераторы» сборника. Рукописи изд-вом утеряны.

Редакция ждет от изд-ва «Сов. литература» и т. К. Горбунова конкретного ответа по данному вопросу.

В братских республиках

* За последнее время Оргкомитет ССП Азербайджана активно развернул работу. Организован ряд интернациональных литературных вечеров. На очереди — организация и руководство литературными кружками в дворянских культурных промышленных районах.

* Обком партии немцев Поволжья объявил конкурс на лучшую пьесу и лучшее художественное произведение о колхозном строительстве республики. Оргкомитет ССП и писатели включились в работу по конкурсу.

* Оргкомитет республик немцев Поволжья организовал ряд литературных кружков на предприятиях республики в Энгельсе, в Бальцере и др. районах.

* Оргкомитет Азербайджана провел ряд совещаний прозаиков-поэтов.

* Сдан в печать сборник статей о социалистическом реализме. Сборник выходит на тюркском языке и содержит статьи т. Луначарского, Кирпотиной и др.

ОРГКОМИТЕТ ССП СССР
с прискорбием извещает
О СМЕРТИ
народного писателя Грузии
НАРДОСА
последовавшей 13 июля

КООПЕРАТИВ «МОСКОВСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В ближайшие дни на ул. Герцена открывается большой закрытый писательский кооператив «Московский писатель», входящий в систему МСПО. Первоначальный капитал кооператива 500 тысяч рублей. Членами кооператива могут состоять все писатели, их семьи и работники литературных организаций. Промысловые фонды кооператива получает наравне с ЗРК.

В состав правления нового кооператива входят писатели и драматурги: Матэ Залка, Н. Погодин, Барков, Палей, Максимов и др.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (Москва)

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
За июнь
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

пер. с немск. Д. Уманского. Стр. 238, ц. в пер. 4 р. 50 к.

СЕНДЕР, Г. Матинг. Перев. с немск. Д. И. Выгодского. Стр. 211, ц. 3 р. 25 к.

Творчество народов СССР.

ГЛОБА, Андрей. Песни народов СССР. Стр. 191, ц. в пер. 3 р. 25 к.

СМОЛИЧ, Ю. По ту сторону сердца. Романы. Авторизов. пер. с украинск. И. Зенкевича. Стр. 247, ц. 3 р. 50 к.

Литературное наследие.

КРИЗИС капитализма и особенности пролетариата и литературы. Задача. Сборник Л. (Коммунист. акад. при ЦК ССР. Научно-исследовательский ин-т литературы и искусства). Стр. 125, ц. 2 р.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ Горького. По материалам департамента политико-просветительской работы. Подготовила и напечатала бригада научных работников Архива революции. Стр. 144, ц. в пер. 2 р. 50 к.

МАШНИЦ-БЕРОВ, И. А. С. Очерки. Стр. 64, ц. 1 р.

Песни.

ВИШНЕВСКИЙ, В. На Западе бой. Публицистическая трагедия. Стр. 87, ц. 1 р. 60 к.

МОГУТА, Е. Треугольный бой. Пьеса в 4-х актах и 14 эпизодах. Стр. 79, ц. 1 р. 25 к.

Книги продаются во всех книжных магазинах КОПИТА.

Слушайте голос читателя

„Со своей стороны обещаю всем помочь“

ЧИТАТЕЛЬ О КНИГАХ, ОТРАЖАЮЩИХ НОВУЮ ДЕРЕВНЮ

Очень внимательно следит советский читатель за художественной литературой, посвященной деревне. Коллективизация, классовая борьба, превращение вчерашнего единоличника, мелкого собственника, в сознательного строителя социализма, обновление деревенского быта, строительство совхозов, жизнь рабочих совхозов и т. д. — все это чрезвычайно интересует читателя.

«Поднятая целина» М. Шолохова получила заслуженное признание как выдающееся явление пролетарской литературы.

Перед нами — служебная записка от 25 июня 1933 года. Перепечатываем полностью:

Тов. Шолохов!

Мне, занатому теперь повседневной напряженной работой по социалистическому укреплению совхоза, удалось сегодня прочитать ваш прекрасный роман «Поднятая целина». Читал с удовольствием, с напряжением, глубокой правдой, высокое художественно-мастерское изложение.

С тов. приветом
Нач. подотдела совхоза «Хальд» Жлобинского района БССР — Парфенов.

Этот отзыв — яркий пример коммунистического отношения передового читателя к труду передового писателя. Литература вошла в жизнь начинающего политотдела как фактор строительства новой жизни, как участок оперативной работы. Характерно ведь, что товарищ Парфенов посылает товарищу Шолохову

рабочие и заводская молодежь. Ученики ФЗУ (фабрика №1 Интернационал) Е. Жученкова и М. Порожнякова пишут: «Вторая книга «Бруска» т. Панферова нам понравилась лучше (очевидно, понравилась больше, чем первая)». Книга, — продолжают корреспонденты, — призывает читателей, главным образом крестьян, к перестройке старой деревни (в новую). Тт. Жученкова и Порожнякова советуют т. Панферову в третьей книге романа «Бруска» писать не только о строительстве, классовый борьбе, но и о семейном быте (семейный быт имеет огромное значение).

Читатель заинтересован в том, чтобы процессы, происходящие в деревне, получили правильное идеологическое и художественное освещение. «Лесозавод» Анны Караваевой понравился ученику Средне-Сибирского ИШМ т. А. Гулякову тем, что «автор описывает борьбу масс деревни с кулаком и подкулачниками».

Любопытно, что многие книжники зовут писателя к себе, в свой край, св. свою деревню. Появилась книга, написанная на северокавказском материале; читатель требует, чтобы и коллективизация в Западной области получила свое образное выражение. Агроном Чурупов пишет т. Ставскому: «Сколько я читал новых произведений — все описывают южные хозяйства, более крупные совхозы или колхозы, и никто не описывает северной и западной части, мелкие колхозы... чтобы указать языком художника

на недостатки, чтобы это было понятно каждому рядовому колхознику». Читатель не ограничивается призывом и гарантий эффективностью поэзии (смысл за лето накопится богатый материал) — он «со своей стороны» все обещает сделать, всем помочь, так как он «Западную область знает хорошо».

Другой товарищ (комсомолец Большаков) приглашает того же т. Ставского в Северный край и обещает «дать материал о классовой борьбе в крае в настоящее время».

И северокавказские, в частности кубанские, корреспонденты, справедливо говорят: «Осталось еще много неподнятой писателями целины и у нас».

Тов. М. Куликовская (Западная Сибирь) права, когда она говорит, что писатели о совхозной работе молчат.

Работники колхозов и совхозов мотивируют свое пристрастие к художественным книгам о деревне, например, так: мы хотим, чтобы были наши действительности были описаны, чтобы книга сделала наглядными и наши достижения, и наши недостатки. Они требуют от писателей привлечения нового материала, глубокого осмысления происходящих в деревне процессов, процессов, имеющих всемирно-историческое значение. Эти товарищи рассматривают книгу как надежного помощника в борьбе за социалистическую деревню.

БОР. ГРОССМАН

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ 1933 г. „ЗНАМЯ“

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ЗНАМЯ» Год издания 3-й 12 номеров в год и первом полугодии (в №№ 1—6) напечатаны романы, повести, рассказы, воспоминания, стихи, статьи: Артема Веселого, В. Вишневского, Евг. Габриловича, Виктора Гусева, М. Голдштерна, А. Гитонина, Ф. Гитонина, Е. Золди, М. Залка, В. Киришова, В. Лавренко, Кирилла Лепина, С. Левина, В. Луговского, А. Лейтеса, И. Макаренка, С. Метлицанского, Е. Мадараса, И. Никитина, М. Печникова, И. Огюста, С. Обердана, Гургена Ованяна, П. Пандяева, В. Перлова, А. Серфимовича, И. Сельвинского, М. Снегирева, А. Суркова, Ан. Тарасенкова, Вл. Толстого, А. Фалева, Ст. Филатова и др.

ЖУРНАЛ «ЗНАМЯ» выходит при участии лучших советских писателей, поэтов, критиков, и публицистов, объединенных ЛОКАФом (ныне Комиссия оборонной художественной литературы при Оргкомитете ССП СССР).

ЖУРНАЛ «ЗНАМЯ» рассылается на бесплатной основе, красной печатью, рабочим, общественно-политическим, инженерно-техническим работникам, учащимся вузов, студентам и широкому слою советской интеллигенции.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ по почте, писемно-оплатой и в отделениях связи. Подписка принимается и в отделениях связи. Подписка принимается и в отделениях связи. Подписка принимается и в отделениях связи.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:
На год 24 р.
На 6 мес. 12 р.
На 3 мес. 6 р.
Цена отд. номера 2 р.

ЖУРНАЛ «ЗНАМЯ» ВКЛЮЧЕН в РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ПУРКА.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ №1 ЖУРНАЛА И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

РЕДАКТОРЫ: М. Горький, И. Гроздев, В. Десницкий, Е. Добин (зам. ответственного редактора), В. Кирпоти, А. Сельвинский, А. Турок.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:
М. ГОРЬКИЙ. О социалистическом реализме. Д. ТАМАЧЕНКО. Эстетические взгляды Карла Маркса. Учеба у писателей.
В. ГОФМАН. Поэтическая работа декабристов. Б. РЕЙЗОВ. Опере Балзак.
Современная литература.
М. ГОРЬКИЙ. О прозе. А. СЕЛИВАНОВСКИЙ. Владимир Луговской.
Молодые кадры советской литературы.
М. ЧУМАНДРИН. Письмо к начинающему драматургу. И. ГРИНБЕРГ. По страницам журнала «Резон». Е. ПОЛОНСКАЯ. В Ленинградском рабочем литературном Университете (очерк).